

ТАЙНЫЙ ГОРОД

ЦИКЛ «ТАЙНЫЙ ГОРОД»

ВОЙНЫ НАЧИНАЮТ НЕУДАЧНИКИ
КОМАНДОР ВОЙНЫ
АТАКА ПО ПРАВИЛАМ
ВСЕ ОТТЕНКИ ЧЕРНОГО
И В АДУ ЕСТЬ ГЕРОИ
НАДОЖНИЦЫ НЕНАВИСТИ
КУКОЛКА ПОСЛЕДНЕЙ ПЛАДЕЖДЫ
ТЕНЬ ИНКВИЗИТОРА
КАФЕДРА СТРАННИКОВ
ПРАВИЛА КРОВИ
КОРОЛЕВСКИЙ КРЕСТ
ЦАРЬ ГОРЫ
ДЕНЬ ДРАКОНА
ЗАПАХ СТРАХА
РЕБУС ГАЛАА
ПАУТИНА ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ
В КРУГЕ ВРЕМЕН
МИСТЕРИЯ МЕСТИ
ДИКИЕ ПЕРСЫ
ОХОТА НА ГОРНОСТАЯ
ЗЕЛЕНый ГАМБИТ
ДУРАКИ УМИРАЮТ ПЕРВЫМИ
ОХОТНИКИ НА ВАМПИРОВ
СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО
НОЧЬ СОЛНЦА
ПЕРСТЕНЬ ПАРАШЕЛЬСА
ЖАЖДА
ИСПОЛНЯЮЩИЙ ЖЕЛАНИЯ

ОФИЦИАЛЬНАЯ СТРАНИЦА «ТАЙНОГО ГОРОДА»
В ИНТЕРНЕТЕ: WWW.T-GRAD.COM

**ЦИКЛ
«АНКЛАВЫ»**

МОСКОВСКИЙ КЛУБ
ПОВОДЫРИ НА РАСПУТЬЕ
КОСТРЫ НА АЛТАРЯХ
ПРОДАВЦЫ НЕВОЗМОЖНОГО
ХАЛОСОВЕРШЕНСТВО
ПЕНОСГИЖИМАЯ КОПЫЩИЦА

**ЦИКЛ
«LA MYSTIQUE DE MOSCOU»**

ТАГАНСКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК
ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МЕХАНИКА
РУЧНОЙ ПРИВОД

**ЦИКЛ
«ГЕРМЕТИКОН»**

ПОСЛЕДНИЙ АДМИРАЛ ЗАГРАТЫ
КРАСНЫЕ КАМНИ БЕЛОГО
КАРАОНИЙСКАЯ РУЛЕТКА
КАРАОНИЙСКАЯ ПЕТАЯ
СОКРОВИЩА ЧИСТОГО РАЗУМА

✱ ВАДИМ ПАНОВ ✱
ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН

ИСПОЛНЯЮЩИЙ
ЖЕЛАНИЯ

МОСКВА ✱ ✱ 2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Оформление серии *С. Прохоровой*

Серия основана в 2005 году

Панов, Вадим Юрьевич.

П16 Исполняющий желания / Вадим Панов, Вячеслав Шалыгин. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Тайный Город).

ISBN 978-5-699-90328-3

Максим Воронов, правнук чекиста Якова Бортникова, в 1926 году сопровождавшего экспедицию Николая Рериха в Шамбалу, унаследовал от прадеда не только пятикомнатную квартиру в сталинском доме, но и загадочные часы старинной фирмы «Брегет». Антикварные часы оказались с секретом, который втянул счастливого наследника в противостояние между человеческими магами и обитателями Тайного Города за обладание легендарным Камнем Чинтамани, обнаруженным Рерихом на пути в Шамбалу...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90328-3

© Панов В., Шалыгин В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ГЛАВА 1

*1926 год, Алтай, Чуйский тракт,
753 верста*

Мировая гармония не любит идеальных форм, прямых линий и симметрии. Многообразие контуров, россыпь мелких деталей, игра оттенков, миллионы мазков богатейшей палитры, водопады звуков и вихри запахов — вот что создает объемную картину. И особенно ярко она воплощается в горах, ибо вряд ли что-нибудь еще в подлунном мире настолько же разнообразно, бессистемно и при этом — совершенно...

И горы, выглядящие порождением самого Хаоса, были воплощением Гармонии.

Так бывает...

Каменная осыпь превратила дорогу в узкую тропу, сделала особенно трудной, и лошади двигались по скальному карнизу с предельной осторожностью, медленно переставляли копыта, иногда запинаясь о разнокалиберные камни, фыркая и косясь на близкий край пропасти. Тревожное ржание, негромкие окрики проводников и стук камней, то и дело скатывающихся мимо растянувшейся по карнизу экспедиции, тонули в заунывной, как местные напевы, мелодии ветра.

Все давно спешили, даже проводники-алтайцы, сопровождавшие экспедицию от самого Ново-Николаевска, полгода назад ставшего Ново-Сибирском, и напряжение от путешествия по узкой тропе нарастало с каждой секундой. Даже главе экспедиции в какой-то момент захотелось плюнуть и отступить, но развернуться было попросту негде: путь по опасному карнизу вел вперед и только вперед. К гармонии или нет, сейчас не имело значения.

Сейчас нужно было идти.

— Скоро, — тихо сказал идущий первым проводник, и остальные члены экспедиции передали его слова по цепочке.

Скоро...

А что «скоро»? Сквозь преддождевую хмарь просматривался небольшой участок тропы, ярдов на сто, не больше, утомленным путешественникам казалось, что дальше карниз становится шире. Но так ли это?

— Долина, — скупое произнес глава экспедиции, когда до него дошло сообщение от проводника.

И на губах его спутников появились улыбки.

Долина!

Узкая, поросшая елями и пихтами, рассеченная надвое маловодной бурливой речкой, ныряющей в ту самую пропасть, что страшным провалом зияла справа от тропы. Но все-таки долина. И была она достаточно просторной и ровной, чтобы перевести дух и шагать дальше смело, не опасаясь, что осыплет в бездну, а со склона прилетит на голову камень. Долина... Можно расслабиться...

И восхититься величием великолепного вида на белые вершины Северо-Чуйского хребта, который прятал от досужих взглядов жемчужину Алтая — загадочную гору Белуха.

И восхитились. Причем — все: и «офицеры», если можно так выразиться, экспедиции, то есть люди творческие или же образованные, и их простые спутники. Никто не остался равнодушным. А глава экспедиции, Николай Рерих, поймал себя на мысли, что готов вытерпеть все, лишь бы увидеть и зарисовать белые шапки величественного хребта, запечатлеть на холсте еще один фрагмент мировой гармонии. Нервное и физическое перенапряжение, совершенно лишнее в его почтенном возрасте, забудутся вмиг, едва только взору откроются великолепные вершины.

Рерих знал точно. Ведь это были не первые горы в его жизни.

Не первые, но особенные, беспощадно, до шемления сердца прекрасные, даже на взгляд искушенного художника. Может быть, потому, что они наиболее близки к центру мироздания? А может, потому, что где-то среди отрогов хребта или ближе к Белухе находятся ворота в мистическое царство безмятежности и совершенства?

Шамбала — от этого слова захватывало дух у всех, кто верил в существование воплощенной благодати, скрытой от суетного мира горами волшебной красоты.

А Рерих — верил.

Но находились — даже среди участников экспедиции — и скептики. Нет, они не отрицали су-

шествования Шамбалы, но считали ее страной воображаемой, спрятанной в душе верующего, и достижением ее им виделось состояние просветления и духовного равновесия.

К числу таких скептиков принадлежал и Луис Хорш, неизменно элегантный, подвижный и предприимчивый молодой мужчина латиноамериканской наружности, коммерческий директор нескольких принадлежащих Рериху предприятий в Нью-Йорке, финансист и снабженец экспедиции.

Будучи убежденным прагматиком, свято чтущим принцип: «Богу — богово, а кесарю — кесарево», Луис не верил, что Шамбала существует в материальном мире. Но, как положено ушлым заокеанским финансистам, отлично умел делать деньги на всем, и даже на затажных экспедициях с сомнительными целями. Рерих путешествовал по азиатским горам третий год, за это время Луис исхитрился утроить прибыль компаний, вкладывающих средства в странный проект, и поэтому ему было важно, чтобы экспедиция двигалась. В поисках Шамбалы, мировой гармонии, натуры для этюдов Рериха или чего-то еще — не имеет значения. «Движение — жизнь», — говорили древние. «Движение — прибыль», — с той же убежденностью заявлял Хорш. А вот уже прибыль — это жизнь, и чем больше прибыль, тем жизнь прекрасней.

Видимо, фанатичной верой в универсальность формулы «движение — прибыль» объяснялось и то, что Луис шел в авангарде экспедиции. Нравилась ему затея или нет, верил он умозаключениям Рери-

ха насчет ворот в неведомый мир на склонах Белухи или не верил — не важно. Хорш взялся за дело и собирался довести его до конца. Собирался выжать из экспедиции максимум.

В пути Хорш старался держаться поближе к Рериху и, естественно, последовал за ним, когда Николай заспешил, торопясь первым оказаться в долине, и Луис вошел в нее вторым.

А третьим стал проводник Яков Бортников, неофициальный представитель ОГПУ, сопровождающий экспедицию от самого Ново-Сибирска. Как правило, Яков ехал на гнедом жеребце далеко впереди, словно стараясь подчеркнуть, что просто выполняет порученную правительством работу и не считает себя членом буржуазной команды. Он не скрывал своих убеждений, как не скрывал и принадлежность к ГПУ, но и не подчеркивал ни то, ни другое. Любимый «маузер» прятал под засаленным ватным чапаном, сменившим затертую кожанку, да и на мохнатой шапке у него не было красной ленты или звезды, как этого ожидали американцы, которых в экспедиции было аж трое. К тому же, благодаря азиатским скулам, Якова частенько принимали за местного жителя, абсолютно равнодушного к революционным идеям, и спутники не воспринимали его в качестве надзирателя.

По карнизу Яков шел первым, но потом уступил нетерпеливому Рериху, вошел в долину после него и Луиса и тут же остановился, увидев, что спутники преградили дорогу.

— Что случилось?

— Да! — Николай, который замер, любуясь открявшимся видом, дернул Хорша за рукав. — Луис, что вы увидели?

И только сейчас Яков понял, что путь ему перекрыл американец.

— Луис, что там? — И машинально сунул правую руку за пазуху.

— А? — Хорш обернулся и как-то странно посмотрел на Рериха: будто сквозь него.

— Что там?

— Извините, босс. — У Хорша нервно дернулся глаз. — Что-то на меня нашло. Оцепенел, как мышь перед удавом.

— Перед каким удавом? — удивился Рерих. — Что вы несете, Луис?

А в следующий миг удивленно крикнул, увидев того самого «удава».

Образно выражаясь.

Впереди и чуть правее сидел на большом камне еще не старый, но морщинистый азиат в изношенных донельзя одеяниях тибетского ламы и внимательно разглядывал путников. Сразу всех. Как такое может быть, Рерих не понимал, но готов был поклясться, что лама не просто смотрит, а именно разглядывает, и не каждого в отдельности, а всех троих одновременно.

Щелочки глаз ламы на миг превратились в тончайшие линии — он смежил веки, — затем чуть приоткрылись, и слегка неприятное ощущение «общего взгляда» исчезло. Теперь лама смотрел, как самый обычный человек. Более того, глазенки у него забегали, словно у пройдохи, лихорадоч-

но обдумывающего способ «развести» доверчивых путников, не задерживаясь на ком-то конкретно.

— Приветствую, уважаемый, — Рерих сложил ладони в буддийском приветствии. — Вы понимаете меня?

— Понимаю. — Лама ответил тем же приветствием и чуть склонил голову. — Я понимаю всех братьев, разделяющих учение Будды. Мое имя Мингюр Церинг.

Азиат говорил по-русски значительно лучше, например, Луиса. Рериха это немного удивило, но в большей степени порадовало. А вот Яков насто-рожился.

— Мое имя — Николай Рерих. Мы с товарища-ми идем к самой высокой горе, к Белухе.

— Ты — художник, — вдруг заявил лама и вновь коротко кивнул — для себя. — Это хорошо: ты уме-ешь видеть скрытое от прочих глаз.

— Возможно... — начал было Рерих, однако лама продолжил, не обращая внимания на попытку вклиниться в его высказывание.

— Но даже у тебя не получится все задуманное.

— Интересно, — проронил Луис негромко, что-бы слышал только Рерих. — Этот лама — прелю-бопытнейший тип. Не пойму только, что он здесь забыл? Одет, как тибетский монах... но если так, он далековато забрел. Заблудился?

— Цель моего странствия близко, — будто бы отвечая на шепот Луиса, сообщил лама Церинг. Смотрел при этом он исключительно на Рериха. — Цель твоего путешествия тоже близко, но ты ее не достигнешь.

— Вы знаете, куда и зачем мы идем? — недоверчиво и даже с оттенком неприязни спросил Яков Бортников и сделал полшага вперед, словно выбирая дистанцию для броска или сабельного удара.

Лама оставил телодвижения чекиста без внимания, всем своим видом показывая, что не видит в нем угрозы и вообще не боится никого из путников, ни по одиночке, ни всех сразу.

— Ты сам сказал, что идешь к высокой горе. — Мингюр Церинг стрельнул взглядом в Рериха.

— И почему же мы не сумеем ее увидеть? — вмешался в разговор Луис. — Еще три дня пути, и мы окажемся на перевале. С него, как говорят, на Белуху отличный вид.

— Вы увидите гору. — Лама кивнул в третий раз, теперь — для всех. — Но ваша цель не Белуха.

Церинг не спрашивал, он утверждал. Да с такой уверенностью, словно доносил до аудитории непреложную истину, например, что Земля вращается вокруг Солнца. Или что дважды два — четыре. При этом лама прекратил играть взглядом в пятнашки и сосредоточился на Рерихе.

— Наша цель... да... нет... не сама гора. — Николай Константинович потеревил бородку, явно сомневаясь, стоит ли откровенничать с первым встречным, пусть даже и ламой. — Мы не собираемся совершать восхождение, в этом вы правы, любезнейший Церинг. Я намерен сделать несколько эскизов и... возможно, исследовать местность.

— Ты хотел увидеть Белуху, но не здесь.

— Что значит «не здесь»? — вскинулся Хорш.

А вот Рерих промолчал. И по глазам было видно, что Николай начинает понимать...

— Ты не увидишь ее, как не видишь далекие звезды.

— Откуда вы знаете о цели нашей экспедиции? — резко спросил Рерих.

И что-то в его голосе заставило Якова взвести курок. Однако пистолет он пока оставил под одеждой.

— Ворота в Шамбалу рядом. — Лама улыбнулся.

— Где? — встрял нетерпеливый Хорш. — Вы проводите нас? Сколько это будет стоить?

Церинг неодобрительно взглянул на Хорша, вновь смежил веки, но на миг, и вернул взгляд на Рериха.

— Чинтамани, — негромко, чуть протяжно и с уважительными интонациями, словно это имя божества, произнес лама. — Нужен драгоценный камень, исполняющий желания.

— Я слышал! — Луис заметно воодушевился. — Или где-то читал, не помню... Это такой крупный рубин. Верно?

— Не рубин, а драгоценный камень, — спокойно поправил американца Церинг. — Его ни с чем не сравнить.

— И что, любые желания исполняет? — поинтересовался Яков.

— Хочешь устроить мировую революцию? — не удержался от язвительного замечания Хорш.

— Чинтамани исполняет только истинные желания, — вместо ламы ответил Рерих. — Но я не подозревал, что он может стать ключом к воротам.

— В этом его главное предназначение, — улыбнулся лама. — Все остальное — блохи на шерсти пса.

— Исполнение любого желания — подобно блохе? — изумился Луис.

— По сравнению с истинной силой Чинтамани — да.

— Что может быть сильнее?

— Заткнись, — прошипел Яков.

Но Хорш уже и сам понял, что перегибает палку, и вернулся к теме:

— Камень откроет путь в Шамбалу?

— Откроет врата? — уточнил Рерих.

— Врат нет, — покачал головой Церинг. — Врата — это место, откуда Чинтамани позволит увидеть Шамбалу и пройти к ней.

— А без камня мы не сможем увидеть благословенную страну?

— Лично ты и с камнем ее не увидишь, — усмехнулся лама, глядя американцу в глаза.

— Почему?

Однако ответил Церинг не обиженному Луису, а Рериху:

— Ты смотришь на мир не так, как все. Ты — увидишь.

— И смогу пройти? — замороженно спросил Николай Константинович.

— Все возможно.

— Минуту назад вы утверждали, что мы не достигнем цели, — напомнил Хорш.

— Минуту назад мир был другим, — изрек Церинг. — У вас была лишь вера, но не было проводника.

— А теперь у нас есть проводник? Вы предлагаете свои услуги?

— Нам по пути.

— Сколько это будет стоить?

— Нам по пути, — повторил лама.

— У всего есть цена, — изложил свой принцип Луис. — Если не деньги, значит, нужна ответная услуга. Я угадал?

— Я просто пойду с вами, — медленно произнес лама, глядя Рериху в глаза. — Такова моя цена.

— То есть вы тоже не способны увидеть Шамбалу? — понял Хорш.

— Я не художник, — пожал плечами Церинг. И вопросительно посмотрел на Рериха.

— Но у нас нет камня. — Николай Константинович развел руками. — И я совершенно не представляю, где его искать.

— А я, кажется, представляю, — пробормотал Яков. После чего быстро шагнул к ламе и резко рванул его за ворот.

Сопrotивляться ему Церинг не стал, остался безучастен к грубому обращению, снова закрыл глаза и проронил на выдохе короткое слово, которое не разобрал никто из присутствующих. И продолжил молчать даже тогда, когда Бортников запустил руку под его одежду и выудил небольшой кулон на длинной медной цепочке:

— Это он?

Лама промолчал.

— Позвольте?

Подошедший Луис вперился взглядом в украшение, пристально изучая простую круглую опра-